

сов — предвестник разночинцев 60-х годов XIX века, людей, подобных тургеневскому Базарову, которые «сами себя сделали». Но — без ригоризма и самоуверенности, без «заигрываний с народом» и презрения к правящему классу. Потому что Некрасов — поэт, а поэт — это любовь к прекрасному, идеальному и недостижимому:

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца...

Отправившись в Петербург в 16 лет с тетрадкой юношеских стихов, отказавшись от карьеры военного и лишив себя этим отцовской поддержки, Некрасов оказался на грани нищеты. «Три года я чувствовал себя постоянно голодным», — вспоминал он впоследствии. Это 1838-й, 1839-й, 1840-й... В ресторане на Морской улице под видом чтения газет он украдкой ел хлеб, выставленный на стол хозяевами заведения.

Ярко горела на поэтическом небосклоне России в это время звезда поручика Лермонтова, а в петербургских углах и подвалах (были отчаянные моменты в жизни Некрасова, когда ему подавали нищие!) мужал новый поэт. Вот откуда природная достоверность зимней, студеной поэмы «Мороз, Красный нос»: в своей бедной молодости Некрасов познал жестокую власть и голода, и холода.

Знаний, полученных в четырех классах Ярославской гимназии, не хватило, чтобы сдать экзамены в университет. Дважды поступая, Некрасов оба раза провалился. Впрочем, за литературу он получит пятерку от профессора Никитенко, который спустя годы станет его цензором.

«Университеты» Некрасова — газетно-журнальная жизнь: ему приходилось писать куплеты, рекламу, фельетоны, очерки, рассказы, повести, водевили, рецензии, переводить (не зная ни одного иностранного языка!); не было, пожалуй, жанра, которым бы он не пытался заработать на существование. Но главным оставались стихи. Знакомые собрали средства по подписке на издание его первой книги «Мечты и звуки». Василий Жуковский, которому молодой поэт показал сборник, посоветовал опубликовать его без имени: «Впоследствии вы напишете лучше, и вам будет стыдно за эти стихи».

Что ж, так и вышло! Неудача первой книги, где автор обозначен как «Н.Н.», привела к тому, что Некрасов на пять лет оставил серьезные стихи, он начал писать «эгоистически», только для денег. Но внутренняя, невидимая духовная работа совершалась, вела верным путем к человеку, который даст его литературному дарованию строгую огранку. «Моя встреча с Белинским была для меня спасением!» — вспоминал Некрасов.

Это важно — кто станет твоим литературным родителем, кто однажды воскликнет: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?», кто зложит в тебя эстетические предпочтения и идеалы. Это так же важно, как семья, дом и первая любовь.

Моим литературным учителем стал поэт Валентин Сорокин. В то время, когда мы встретились, среди многих его должностей была и такая — председатель Всероссийского Некрасовского комитета.

* * *

Моя встреча с Сорокиным была для меня спасением — конечно, в той мере, в какой можно считать спасительной литературную работу вообще: «Стихи мои, — плод жизни несчастливой, // У отдыха похищенных часов...»

Но речь не обо мне, а о том, как тесно, причинно-следственно переплетены нити-события-судьбы в русской литературе и как от основных, плодоносящих древ на-